

18+

Татьяна Свичкаръ

Схватка с призраком

Татьяна Свичкарь

Схватка с призраком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50174237

ISBN 9785449809490

Аннотация

Даша работает в доме для престарелых и потихоньку спивается от безысходности жизни. Но судьба – большая затейница. Хотелось приключений? Серийный убийца сбегает из тюрьмы, чтобы расквитаться с Дашей, которая была его первой любовью. К кому бежать за помощью – к местному мафиози? Но времени нет – стараясь добраться до Даши, маньяк убивает дорогих ей людей. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	44
Глава 4	52
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Схватка с призраком

Татьяна Свичкарь

© Татьяна Свичкарь, 2020

ISBN 978-5-4498-0949-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я знаю, что сделаю первое, когда встану. Поэтому мне легче вытащить себя из тёплой неги постели. Легче – понятие относительное. За окном ноябрь. Вставать надо в темноте. Осень – умирающая, при последнем издыхании, и на горло ей наступает зима. Дождь идёт вперемежку со снегом. Это видно в свете фонаря, который дежурит ночами за моим окном. Он освещает то косые струи дождя – то более лёгкий и медленный снег.

Кто-то из моих знакомых сказал, что начало осени – живопись, а конец – графика. Графика художника, находящегося в глубокой депрессии. А у меня когда-то, не помню уже, когда – депрессии не было. И тогда я умилялась этой ноябрьской картиной – говорила, что в ней есть своя религия – деревья сбрасывают листву, как человек отбрасывает всё временное, суетное. Так обнажают душу перед исповедью. И столько света! Ещё недавно люди свет этот не замечали, любовались сочетанием – золотые верхушки тополей и яркое синее небо. А в предзимье вся былая красота лежит под ногами – легко шуршит, когда зарываешься в неё носками сапог, шагая. И всё вокруг – от неба до земли – пронизано светом.

Но так редки солнечные дни в ноябре! Чаще всего погода, как выражается моя соседка Лиля: «Говно».

Итак, фонари освещают голые ветки, летит косой снег, перемежаясь с дождём. Я встаю, включаю чайник, и снова падаю в постель, чтобы полежать ещё несколько блаженных минут, пока чайник споёт свою песенку, начинающуюся сухим скрипом и заканчивающуюся бульканьем и щелчком. Готово. Красный огонёк гаснет.

Я делаю себе чаше кофе. Именно делаю. Старинное уютное «варю кофе» тут не звучит. Это надо идти на нашу коммунальную кухню – да не занята ли плита? – караулить турку, пока не вскипит. А я по утрам как зомби. Поэтому обхожусь суррогатом. Насыпаю в чашку ложку с горкой «Нескафе голд», добавляю химические сливки из маленького контейнера, размером с пуговицу. И сыплю побольше сахара, хотя сейчас все вокруг твердят, что именно он – причина болезней. Но где ж взять сильную волю-то в половине седьмого? И я потрафляю себе, не уважая себя за это.

Потом открываю ветхий деревянный шкафчик – купила когда-то по случаю, денег у меня никогда не было, и нет, а хранить разные мелочи где-то надо ж? – и достаю оттуда бутылку коньяка. Она ещё полна на две трети. Это меня радует, потому что коньяк дорог, и траты на него составляют не главную, конечно, но ощутимую часть моего бюджета. Я наливаю себе рюмку. Сначала выпиваю чашку кофе, а потом залпом – коньяк. По большому счёту, из меня хреновый алкоголик, мне часто плохо от выпитого, и я устраиваю кофейную «прокладку» для огненной воды. Но только мысль

об этой рюмке коньяка и даёт силы встать утром.

Выпить нужно, чтобы внутри отпустило. Чтобы была отодвинута какая-то заклинившая задвижка, и тоска, живущая внутри, истекла. Может быть, туда, за окно, где уже только дождь. Тоска уступит место пофигизму. И тогда я начну собираться на работу... Этой коньячной дозы мне хватит, пока я не увижу наш пансионат. А тогда опять захочется выть волком.

Несколько минут я сижу, глядя в окно – на дом напротив. Такая же убогая типовая пятиэтажка, как та, в которой я живу. Люди просыпаются: то в одном, то в другом окне вспыхивает свет. Я не одинока – другие сейчас тоже поволокнут себя на работу. Я сижу не шевелясь, жду, что вот сейчас коньяк подействует как лекарство.

Отпускает.

Нужно снять с верёвки джинсы – вчера я их постирала и повесила сушиться в общем коридоре.

В нашей коммуналке две комнаты – и две семьи. И обе какие-то покоцанные жизнью. Одну семью представляю я, а другую Лиля и её взрослая дочь Марфа. Бабье царство. Или даже не так. Классическое сочетание – одинокие бабы и котики. Котиков, впрочем, немерено. И все они – Лилины.

Царственное имя не подходит моей соседке. Немного утяжеляет его отчество – Михайловна. Лилия – маленькая, коренастая, склоняющаяся уже к старости – ей пятьдесят во-

семь лет. Раньше я назвала бы её старухой, но теперь, когда самой за сорок... Но Лиля смотрит на себя трезвым взглядом и не борется за молодежавый вид. Она – явно некрасивая, с грубыми чертами лица. Да ещё на инвалидности – диабет в тяжёлой форме. Но дела жизни болезнь её не лишила. А дело, как та же жизнь показала – усатые-полосатые, бродячие, хворые.

Если бы я, как полноправная хозяйка половины квартиры, стояла твёрдо против животных – не знаю, что бы Лиля делала. Она подбирает этих бедолаг – брошенных котят, котов и кошек, где только может. Жизнь ей сама их подкидывает – то в подвале наткнётся Лиля на кошку, порванную собаками. То возле магазина увидит – побирается в двадцатиградусный мороз жалкий кошак, рёбра как стиральная доска – если кто-то помнит, как эта доска выглядит. То на помойке найдёт выброшенных в коробке, только что родившихся котят. Всех она тащит в дом.

Слух о Лилиной безотказности в кошачьем вопросе мигом разнёсся по городу. И котов ей стали нести уже целенаправленно. Многие не заморачивались – подбрасывали котят под нашу дверь. Малыши бродили по лестничной клетке на разъезжающихся лапках, пищали. Лиля ругалась, проклинала всех и вся, но выходила на зов. В чём виноваты кошачьи дети?

Кто почестнее, тот заранее звонил, или перехватывал в подъезде, просил войти в положение, совал деньги на еду,

лекарства.

– А сами мы, ну никак, – объясняли такие люди, протягивая коробку с очередным мяукающим кандидатом на ПМЖ, – У нас, понимаете, собака...

Почему-то это казалось людям очень весомым аргументом. Собака с кошкой не уживутся, нечего и надеяться.

Лиля раздраженно усмехалась:

– Сколько живу, никогда ещё не видела, чтобы собака с кошкой не спелись. Ну, посидит киса в укрытии, помедитирует за холодильником пару-тройку дней, жрать захочет – выйдет, и прекрасно друг друга примут в итоге...

– А ещё у нас у ребёнка аллергия, – выдвигали люди более весомую причину.

– Ой, да не смешите мои тапочки! У моей Марфы тоже была когда-то аллергия... А куда я этих бедолаг выкину? Пришлось аллергии отступить на фиг...

Не надо думать, что всё кошачье братство обретается у нас в квартире, увеличиваясь, благодаря доброхотам, в геометрической прогрессии. Если бы так было, то Лиле инвалидность оформили на голову.

Нет, моя соседка прилагает все силы, чтобы поскорее пристроить живность в добрые руки. Она даёт объявления в местную газету, рассказывает о своих питомцах в соцсетях, расхваливает их на все лады. Просто поэмы сочиняет: все её кошки небывалого ума, с музыкальным мурлыканьем, и готовы сами за собой спустать воду в унитазе.

Но часто пристроить усатых и не только полосатых получается не сразу. К Лиле многие попадают полуживыми, их надо лечить, а это дорого. Лиле повезло – рядом с нашим домом, стена в стену – ветеринарная больница «Матроскин и Шарик». Соседка моя там завсегда, так сказать, почётный член клуба. Врачи «входят в положение», осматривают её очередного подкидыша бесплатно, а лекарства прописывают те, которые не по заоблачным ценам. Но котов столько, что Лилиной инвалидной пенсии на них бы всё равно не хватило, и Михайловна моя то и дело «побирается» в соцсетях.

У одного кошака больные глаза, у другого рана на спине, сломанная лапа, вирус... Они ж как дети-беспризорники, эти коты, чего только в подвалах и сараях не нахватаются, с кем не подерутся! Лиле даже в долг верят и оперируют страдальца бесплатно, если дело ждать не может. А Михайловна потом бросает в интернете очередной клич, объявляет «День столтника», чтобы покрыть долг.

Но и здоровых, вылеченных котов берут неохотно. Когда потенциальные хозяева звонят и перечисляют пожелания, Лиля отстраняет трубку от лица и тихо матерится, а потом говорит мне:

– Им, видите ли, нужен мальчик, рыжий, пушистый и с разноцветными глазами – один чтобы зелёный, а другой голубой. Я их спрашивают: «А у вас самих голубая кровь? Покажите-ка свое родословное древо! Я котят кому попало не отдаю – только аристократам до седьмого колена...»

В общей кухне у нас и тут и там – мисочки для корма и воды, клетки с теми хвостатыми, которых надо изолировать.

А внизу, под балконом – обретается ещё с десяток «наружных» кошек – взрослых и старых, самой затрапезной внешности. У них почти нет шансов попасть в добрые руки, хотя время от времени Лиля фотографирует для соцсетей и их. Ночуют они Бог весть где – кто-то в нашем же подвале, кто-то в старых гаражах, особо смелые пробираются в подъезд. Но все они прекрасно знают, что ближе к вечеру Лиля выйдет с кастрюлей каши с мясом и разделит её между всеми страждущими.

– А чтобы соседи не ругались, я на клумбах у дома цветы высажу, и буду за ними бесплатно ухаживать, – повторяет Лиля.

Я открываю дверь в коридор – там, в этот утренний час обязательно трётся пара котов, нетерпеливо дожидаясь моего пробуждения. Обычно это Морковкин и Чмушка. Толстый Морковкин – я помню, когда его принесли, это был очаровательный рыжий малыш, с круглой мордочкой, как теперь говорят «беби фейс» и коротким хвостиком в форме треугольника, или морковки. За это он и получил свою кличку.

Морковкин настойчивый, пройдошистый, он всегда тут как тут, когда тыходишь к холодильнику или на кухне делаешь себе бутерброд. Но всё-таки он знает своё место, и не будет стараться залезть тебе прямо в рот, чтобы оттуда

торчал только кончик треугольного хвоста.

Другое дело – Чмушка. Сокращённо от «чёрная мушка». Его принесли недавно, он похож на того самого кота из песни, от которого все ждут неприятностей лишь потому, что он чёрный. То есть весь – от мордочки до кончика хвоста. Только золотые глаза сияют хищно. Перелетает по квартире этаким маленьким дьяволёнок – со стула на кровать, с кровати на стол. И по фигу, что его схватят за шкурку (если успеют) и сбросят на пол. Он лют к еде, вырывает кусок хоть у нас, хоть у хвостатого собрата, не страшась возможной расплаты. Воеет, рычит, вцепляется в захваченную еду – не отдаст никому.

Лиля долго подбирала ему имя, поначалу-то ей хотелось обозвать кошака похлеще за его наглость. Потом Марфа сказала – смотрите, как он летает по дому – настоящая чёрная мушка. Так и родилось имя.

Если я открою сейчас дверь – Чмушка метнётся к столу, как стрела, спущенная с тетивы. Его интересует только стол, вернее, то, что на нём. Меня он не учитывает. Следом подтянется Морковкин. Этот завернёт вроде бы поздороваться, но на самом деле – в надежде, что и его тут чем-нибудь угостят. Кормит их Лиля досыта, но «сушку» и кашу с куриными остовами не сравнить с ломтиком докторской колбасы.

А мимо двери, как бы случайно, будет проходить Царь. Это постоянные коты, к которым я привыкла. Другие обитатели Лилиного приюта более-менее часто меняются. А эти

прижились, и ясно уже, что останутся с нами.

Царь – сама роскошь. Он не просто перс, его окрас называется «серебристая шиншилла». Оказывается, можно потерять и такое сокровище. Когда Лиля принесла кота с улицы прошлой зимой – мокрого, грязного и худого, на его круглой – не смотря ни на что – морде не было даже тени радости – что вот сейчас накормят, устроят в тепле. Недовольный вид кота будто говорил – Царь гулять изволили, а смерды прогулку прервали.

Лиля особой чувствительностью не отличается, и с Царём обошлись, как и с простыми смертными котами. Его вымыли (и надо было видеть это свирепое царское лицо над миг похудевшим, даже жалким тельцем, облепленным мокрой шерстью), напоили глистогонным, намазали холку каплями от блох...

Царь долго приходил в себя и сушился возле батареи, передёргивал возмущённо шкуркой, на сухой корм не посмотрел, и согласился откусать только деликатес из пакетика, который Лиля берегла для самых больных и слабых.

Ему даже кличку не надо было придумывать. Царь – он Царь и есть. Остальных Лилиных кошек перс брезгливо игнорирует, И это ещё хорошо, это ещё – мир и благодать. Лиля принесла Царя, когда тот был при мужском достоинстве. Но с первого же дня, проведённого в новом доме, перс решил показать, кто здесь хозяин, и начал лупить остальных хвостатых смертным боем – шерсть клоками летела. Ра-

ны были рваные, страшные. Лиля, вечно пребывавшая у ветеринаров в долгах, ужаснулась – а если каждый день придётся носить очередного пострадавшего, чтобы ему наложили швы?

Проще превратить перса в царственного скопца. Что и было сделано. После укола, Царь, почуяв недоброе, попытался рвануться в форточку, но лапы его по ней только скользнули – кот заснул на лету и тяжело ударился о пол.

Теперь Царь помирел, дерётся редко, только шипит и поднимает лапу – последнее предупреждение, если кто-то из котов или котят пытается нарушить границы его личных владений.

Впрочем, людей Царь тоже не жалует. Вот поглядите на него, в этот момент он сомневается – стоит ли заходить ко мне в гости? Остановился на пороге. Чуть слышное – мяу – кот обозначил, что он тут. Никаких унижений и просьб, подобострастного мурлыканья, никто не станет тереться о ноги, сама должна понимать – Царь трапезничать желает. Я всё понимаю, и достаю пакетик «Гурмэ», который берегу только для перса. Это не какой-нибудь дешёвый «Фрискес».

Увидев в моих руках любимое лакомство, Царь оживает, несколько теряет своё величие и рысцой забегает в комнату. Теперь он готов пойти на контакт. Лиля называет это: «Я буду разговаривать с вами только в присутствии своего пакетика». Ритуал много раз отрепетирован. Царь замирает, ждёт, когда я подхвачу его под белоснежное пушистое брюхо

и посажу на стол, переложу корм в его личное блюдо. Его Величество не торопясь приступает к еде.

Здесь он защищён от других претендентов на «Гурмэ» – я бесцеремонно сбрасываю Чмушку, который как самонаводящаяся торпеда рвётся к чужой порции и прикрикиваю на Морковкина. Царь медленно, со вкусом ест. В этот момент можно позволить себе наибольшую вольность – прикоснуться щекой к его боку, к этой нежной как пена, белоснежной, густой и душистой шерсти. Сейчас Царь разрешает мне такое святотатство и даже слегка мурлыкает.

– Где вы теперь, кто вам целует лапы? – растроганно говорю я.

Лапы у Царя умильные – короткие и толстые. Я знаю, что когда поест – он тяжело спрыгнет на пол, передёрнется – как же, его касались человеческие руки, сколько же теперь отмываться? – подойдёт к двери, и снова прозвучит чуть слышное «мяу». Царь желает выйти.

– Хватит их наваживать! – говорит Лиля в приоткрытую дверь, – Я вон овсянку с курицей варю, да разве ж они будут – после твоих щедрот!

Я включаю ноутбук. Есть несколько минут, чтобы посмотреть новости. По главной странице Яндекса скольжу беглым взглядом. Инопланетяне у нас не высадились, атомная война за ночь не началась. Новостей с пометкой «молния» тоже в программе не значится.

Открываю почту. Как обычно две трети новых писем – это

никому не нужный спам. По вечерам я подрабатываю на бирже копирайта, пишу тексты, работаю через интернет. Вот короткое письмишко, что заказчик принял работу. Конечно, платят копейки, но каждая из них у меня на счету, как и у Лили.

Жизнь давно перевалила за экватор, и я отчётливо ощущаю, как с каждым годом уходят силы. И надежды на перемены к лучшему нет. Где-то там, в высших мирах определено моё место и задача – выживать, ходить по грани между голодом и сытостью (коньяк не в счёт, он мне порою нужнее, чем хлеб). А во всём остальном почти монашеский аскетизм. Например, одежду время от времени «подают» знакомые – то, что им уже не нужно, не будут носить. Есть ещё распродажи, есть рынки, где торговцы с восточной внешностью предлагают сапоги-«дутьыши», дешёвое бельё. И тяжёлая моя работа не даёт того, что насущно – возможности купить книг, отправиться в путешествие, выбрать в магазине платье лишь потому, что оно понравилось...

Ещё пара лет – я и этого не захочу. Многое приходит в жизнь слишком поздно, когда уже все внутри перегорело, когда ты и радоваться-то толком не можешь. Наверное, с точки зрения высших сил – так лучше. Где-то я читала, что к пребыванию в этой жизни нужно относиться как к экскурсии по музею: если ты страстно возжелаешь какой-нибудь из экспонатов – неважно, хоть духовный, хоть материальный – карма немедленно щёлкнет тебя по носу. Будет только

хуже. Оставайся бесстрастной, леший его дери. . .

И, наконец, в куче почтового спама мелькнуло письмо от Оли Кругловой. Когда-то мы вместе учились в школе. Я после выпускного уехала, поступила в институт и назад уже не возвращалась. А Оля так и живёт в нашем маленьком городе, трудится в аду адском – на почте, с её длинными озлобленными очередями. От Оли изредка приходят вести о бывших одноклассниках.

Я открыла письмо, прочла пару строк и уронила руки.

«Даша, – писала Оля, – Я не хотела тебя пугать, но Махач вышел на свободу. Я не помню, сколько ему дали в последний раз, но, по моему убеждению, его нужно было оставить за решеткой на веки вечные, а ещё лучше казнить. Почему я тебе пишу – его ждали у нас в городе. Мать ждала – ему же некуда возвращаться, кроме как к ней. Вот счастье иметь такого сына! Но к ней он не приехал, и где он сейчас – никто не знает. Ты помнишь, чем кончилось его последнее освобождение. Будь осторожна на всякий случай, тебе следует быть особенно осторожной из всех нас. И пиши хотя бы время от времени, как у тебя дела».

Я встаю, какое-то время стою у окна, то заплетая, то расплетая кончик косы. Потом подхожу к шкафчику, снова достаю бутылку и наливаю себе уже полстакана.

Я пока не знаю, говорить ли Лиле ту новость, которую я узнала. С одной стороны – возможно, ещё нет никакого повода. Ровно никакого. Я помню, как сначала была потрясена,

как и все мои одноклассники, тем, что сделал после выпускного Серёжка Махачёв. Но потом с легкомыслием юности, как-то забыла, перешагнула через это. Впереди был институт, пять лет увлекательной студенческой жизни.

Но то, что случилось дальше... И когда я пью коньяк, зубы у меня постукивают о стакан.

Глава 2

Школа у нас была самая посредственная. Почти все ребята учились тут с первого класса, потому что жили поблизости. Никто в здравом уме, я уверена, не стал бы сюда переводиться и ездить издалека. Смысла не было.

Школе исполнилось сорок лет, и вряд ли, даже если бы кто-то решился на ремонт, она сильно преобразилась. Тёмные коридоры, узкие лестницы, тесные раздевалки... Никакого профильного обучения, современных кружков. Не было у нас ни учителей, влюблённых в свой предмет, ни педагогов по призванию, которые превратили бы класс в большую семью. Мы перетерпывали уроки свирепой математики Маргариты Фёдоровны, скучали на истории, слушая картавую речь Валёндры – Валентины Ивановны, рассказывающей об очередном народном движении, старались сбежать с физкультуры, и пересидеть ненавистные «лыжи» где-нибудь в кафетерии – за чашкой горячего кофе и пирожным.

Ничего особенного, всё как у всех. Бывает и хуже. Например, определённо хуже приходилось тем, кто ходил в музыкалку. В моё время туда старались отдать поголовно всех девочек и большинство мальчиков из приличных семей. И начинались, если можно так сказать, красивые, «элитные» хлопоты, о которых родители подчёркнуто громко рассказывали на работе, покачивая головами. Нужно достать хороший ин-

струмент. Концертное платье. Оплатить дополнительные занятия (потому что отпрыски, угодившие на отделение фортепиано или скрипки как кур во щи, способностями обычно не блистали). И пять лет, а то и больше, наши бедолаги, наскоро пообедав, подхватывали папочку с нотами и отправлялись на вторую каторгу – уже до позднего вечера. Но хоть перед сном за книжку-то можно? Телек посмотреть? Как же, сейчас! А уроки – обычные и музыкальные? Улетали дни, месяцы, годы – как в прорву. Насколько я знаю, ни один из моих одноклассников не то, что карьеры на этом не сделал, но даже не попробовал хотя бы провалиться на приёмё в музучилище.

Взрослый человек от одиннадцати лет такой жизни сделался бы хамелеоном – поблёк и посерел как школьные стены, видя и оставшуюся свою жизнь столь же серой и безрадостной. Нас пока ещё выручала юность, которая для многих скоро закончится – большинство взрослеет или даже стареет душой слишком рано! Но тогда мысленным щелчком мы сшибали с пути любые препятствия, которые могло перед нами поставить будущее. И, конечно, были бессмертными – мы сами и наши друзья.

У Серёжки Махачёва близких друзей не водилось никогда, даже в первом классе, когда малыши ещё наивные и доверчивые. Родители шарахались от такого знакомства и тянули прочь своих чад. Серёжка был из «неблагополучной семьи». Его родила семнадцатилетняя девчонка, которую и ма-

терью то назвать трудно. Ей хотелось прыгнуть высоко, как кузнечику – сразу во взрослую жизнь. Но сидеть с младенцем в маленькой квартире – тоска смертная! И эта Нинка, в равной степени мечтавшая о независимости и о выпрямлении курносого носа, кое-как дотерпела до восемнадцатилетия и сбежала, забыв сына в кроватке. Много позже, окольными путями выяснилось, что в Москву. А там раствориться, исчезнуть, куда легче, чем в сибирской тайге.

Не знаю, кем раньше работал Махачёвский отец, но когда Серёжка пошёл в школу, тот уже был дальнобойщиком. Жил в дороге и дорогой, летящими навстречу километрами, лишь изредка мёртво отсыпаясь дома. Это значило для сына – почти всегда – полную свободу. Болтайся во дворе сколько душе угодно – хоть всю ночь. Но что было в душе у Махача-младшего, когда родители звали нас домой, а из окон пахло жареной картошкой?

Отец пытался «заботиться», оставлял сыну деньги «с запасом», привозил ему из столицы или других больших городов хорошие шмотки, импортные. Но не в коня корм. Серёжке всегда было по фигу, что надеть, хоть фирменную куртку, хоть заскорузлый от грязи свитер. Каждый раз, когда ему пора было стричься, наша классная Эмма Ефимовна напоминала об этом. День, два. Неделю. И, в конце концов, конвоировала Махача в парикмахерскую, потому что иначе ей самой нагорело бы от директора.

Как учился Серёжка и так понятно, да? Сначала его тя-

нули из жалости, «входили в положение» ребёнка, который остался сиротой при живых родителях. Но в старших классах Махачёв связался с какой-то компанией, полу или уже полностью бандитов. Он стал приходить в школу, словно из милости, пару раз в неделю. Сидел на последней парте, иронически улыбался, будто не учиться пришёл, а отсиживал нудный и глупый спектакль. И это нервировало учителей. Кто-то сбивался, кто-то окликал, перекладывая указку из руки в руку: «Махачёв, повтори, что я сейчас сказала? Не интересно, не изволишь слушать?» Махачёв лишь пожимал плечами, а если ему всё очень надоело, мог исчезнуть после второго или третьего урока.

Когда мы заканчивали девятый класс учителя, во главе с директором занервничали. Все мечтали о том, чтобы спровести Серёжку куда-нибудь – хоть в техникум, хоть в училище. Но городок наш был слишком маленьким, в нём не имелось ничего, кроме детских садиков и школ. Молодые уезжали сплошь. Как поезд, что стоит на забытой Богом станции две минуты – молодость рвалась отсюда. Вариантов у Махачёва оставалось два. Или искать училище, которое его возьмёт в другом городе, или идти работать.

В школу тогда – редкий случай – пришёл отец Махача, долго убеждал директора, завуча и классную, что у его сына единственный шанс остаться человеком – это задержаться здесь. Устроится на чёрную работу (а кем его ещё возьмут?) – сопьётся. Уедет – вообще обандитится вчистую. Тут

он, отец, всё-таки будет за ним хоть как-то присматривать. Даже выпорет, если что... Да что там! Отец обещал пороть Махачёва при необходимости хоть каждый день, если его переведут в десятый.

– Что же вы раньше-то не думали о мальчишке? – с горечью сказала наша Эмма Ефимовна, предвидя ещё два года мучений.

Махачёва в десятый взяли. Но что с ним делать дальше? Чтобы он не опозорил школу на весь город (если выпускник вчистую завалит экзамены – снимали директора, были случаи) и хоть как-то выгрыз себе аттестат, нужен был репетитор. Кто? Где его взять? Отец только руками разводил и смотрел беспомощно. Учителя отказывались наотрез, и пеняли Эмме, что проект её «Этот отщепенец и аттестат» – провальный.

Тогда Эмма Ефимовна обратила полный надежд взор к старшеклассникам. Но опять же – кто решится? Парни боялись Махача как огня. Школьный коридор странным образом пустел, когда он по нему шёл. О том, что в драке Махача победить невозможно, уже ходили легенды. Соперника он бил так, будто намеревался убить. И лежащему на полу, заливающимся кровью и соплями, парню становилось жутко. Он беспомощно поднимал руки и смотрел на Махача затравленно, как ребёнок на Буку, вдруг воплотившегося наяву.

Только чудом удалось замять тот случай, когда Махач сцепился с парнем из класса «б» (этот новенький не знал, с кем

связывается), и в школу потом вызывали «скорую». Мы, толпой идя за носилками, понимали, что самое страшное – это сломанное колено, но до сих пор, если закрою глаза, я отчётливо представляю лицо этого Павлика – багрово-синее, сплошной кровоподтёк.

Повезло Махачу, что у Павлика была одна мать, алкашка в третьем поколении. Она схватилась за деньги, которые её сунул отец Махачёва. Без всяких судов деньги сразу, в руки! Она твердила, что положит их Павлику на книжку, хотя было ясно, куда они пойдут. Сам же Павлик стыдился того, что Махачёв его так отделал, и мечтал только об одном – чтобы синяки поскорее сошли, и всё забылось.

И тогда как кандидатура возникла я. Эта мысль возникла у Эммы неожиданно, но с каждой минутой всё больше ей нравилась.

Я была почти отличницей, за исключением четвёрки по физкультуре. Физрук меня искренне презирал: на канате я болталась как мешок с дерьмом – по его определению, во время бега сходилась с дистанции, держась рукой за печень, а кувырок назад и тем более подъём на мостик считала задачами для каскадёров. Но раз по остальным предметам в дневнике у меня стояли пятёрки, Классная упростила физрука пойти навстречу и не портить мне дневник, и физрук, морщась, выводил эти самые четвёрки.

Эмма соображала: если она оставит нас позаниматься после уроков на час-другой в классе, то Махачёв не сбежит,

а мне не будет ничего угрожать – в школе ученики, учителя, даже охранник. Всегда кто-то есть. И, наконец, это ж ненадолго – на пару месяцев. Эмма Ефимовна повторяла, как заклинание: «Нам бы слабенькую тройку по русскому и дохленькую по математике. Только, чтобы через экзамены переполз. Только это – и больше ничего». Кроме того, она верила, что меня Махачёв всё-таки бить не будет». Есть же для него что-то святое. Поднять руку на беззащитную девочку...

Да-да, я была робкой и совершенно беззащитной девочкой с длинной светлой косой. Классика жанра. И одета так, что учителя умилялись. Белый верх, тёмный низ. Учителя не знали, что это не от скромности моей, а от нищеты. У нас дома было полно девочек – четыре сестры, и каждая прекрасно понимала, что родители выкладываются, стараясь нас хотя бы накормить досыта.

И мы старались не показывать разочарования: донашивали друг за другом обувь, и подчеркнуто радовались, когда знакомые мамы или папы отдавали нам вещи, из которых их дети уже выросли.

Так что в школе я не могла влиться в компанию девчонок – стильных, одетых в дорогие модные шмотки. Девочек необходимо хорошо одевать, потому что мальчики обращают внимание только на хорошо одетых девочек. Так однажды наставительно сказала председательница родительского комитета моей маме. У девчонок вся дальнейшая жизнь зависит от удачного замужества, так что сейчас надо «вкла-

дываться». Так и вижу эту даму, наставительно поднявшую палец.

Но вкладываться было не из чего. Наши инженеры-родители, а сейчас, спустя годы, могу сказать, что и все мы – их дочери – не обладали и не обладаем даже подобием коммерческой жилки, довольствуемся только зарплатой. И не было месяца, чтобы каждый из нас не думал, как прожить от получки до получки.

Так что вот такая девочка я была. Тёмная юбка, которая немножко болталась на тощей мне, глухой свитерок-водолазка и светлая коса.

И стали вы с Махачёвым оставаться каждый день на час-два в опустевшем классе. Часто задерживалась с нами и Эмма Ефимовна, сидела у себя за столом, проверяла тетради.

Я сразу поняла, что дотянуть Махачёва до образа хилого троечника будет ой, как трудно, слишком всё запущено. В первый же день я попросила его написать маленькое сочинение «Образ Катерины в «Грозе».

Махачёв посмотрел на меня насмешливо, и что-то было в его взгляде такое... Если бы мы встретились в подворотне, я решила, что он хочет отобрать у меня кошелёк.

Через десять минут Махачёв протянул свою работу. Я остолбенела уже от её внешнего вида. Знаете тетрадки в одну линейку? Так вот, текст Махачёв написал огромными буквами – от линейки до линейки. Первоклассник такими каракулями не напишет даже в страшном сне.

Но главное – смысл. Махачёв писал, что Катерина склеила ласты, потому что родилась дурой. Надо было найти себе не грёбаного педика, с пиз-ой-мамашей а нормального мужика и уехать с ним в Москву. Там можно снять хату, зарабатывать, и зажить, даже на бухло б хватало. Такой вот вольный пересказ текста, если не считать, как сейчас говорят, ста тысяч пятисот орфографических ошибок.

– Про бухло вычеркнуть? – спросил Махачёв щурясь.

Стало понятно, что начинать с ним надо даже не с нуля, а с глубокого минуса. И по-доброму его опять нужно было отправлять в первый класс – выводить кружочки и палочки, а потом учиться писать нормальные буквы. Читал он, кстати, тоже с запинками.

Я никогда не хотела стать учительницей. Поэтому задача загнала меня в тупик. С чего начать? Мы стали писать в тетради, разлинованной в две линейки, как в начальной школе. Писали простейшие диктанты: «Началась зима, падает снег. Дети катаются на коньках и играют в снежки». Потом проводили работу над ошибками. Попутно я читала Махачёву Пушкина: «Зима, крестьянин, торжествуя», «Мороз и солнце, день чудесный». Выручало одно: он не был тупым, а просто катастрофически запущенным. То, что мы проходили, он запоминал намертво, и после работы над ошибками – писал слова уже правильно.

Я не питала иллюзий, что он прочтёт романы и стихи, которые положено изучать по школьной программе. Поэтому

я занималась пересказом. Даже пересказом пересказа. Чтобы Махачёв понял, что «дуб» – это была не кликуха Андрея Болконского среди дружков-дворян, а вовсе даже его рассуждения.

Сама я не просто любила книги, я жила ими, и мне было больно, так отчаянно больно их коцать, сводя к страничке-другой краткого пересказа! Но времени у нас оказалось катастрофически мало – выпускной класс. К тому же с Махачёвым всегда что-нибудь случалось – он мог ввязаться в драку, загулять, пропасть на неделю-две... И тогда всё летело к чертям, потому что эти две недели он проводил явно не в санатории, а в лучшем случае бухал с друзьями-приятелями. Вернувшись в школу, он тяжело тряс головой и пытался вспомнить, кто такой Обломов. Вспоминал-таки: «А, это тот, кто на диване жопой дырку протер...» Эмма Ефимовна только головой качала, не отрываясь от тетрадей.

С математикой было ещё хуже. У Махачёва не укладывалось в голове – за каким хреном нужно учиться четырем действиями арифметики, если даже в самой отстойном телефоне имеется калькулятор? И на кой... человеку нужна алгебра? Кто её выдумал? Только терзать мозги на уроках... Он лично никогда не слышал, чтобы алгебра потребовалась в жизни.

В конце концов, я не выдержала и заорала:

– Получишь аттестат, и звиздуй на все четыре стороны! Можешь им хоть пивные бутылки потом открывать! Или прямо сейчас звиздуй!

Он вскинул ладони:

– О кей, о кей! Я всё понял....

Боялась ли его? Сначала нет, потом да....

Хотя, по логике вещей, это он должен бы чувствовать себя обязанным мне за эти занятия.... Но что-то исходило от него такое... Мне казалось, что согласившись оставаться со мной после уроков, он будто делал одолжение, и я всё больше и больше попадала от него в зависимость. Долг рос – за то, что он тратил на меня своё время, росли и проценты.

Он сидел в кожаной куртке, которую не снимал с осени до весны – и на улице в ней ходил, и в школе. От него пахло табаком и каким-то спиртным – водкой, что ли? Не знаю, папа с мамой не употребляли ничего крепче шампанского на праздники.

У Махачёва начали появляться тройки за контрольные. Постепенно их становилось всё больше. Его отца всё реже вызывали в школу. Потом случилось такое, что Махачёв-старший пришёл, и в опустевшем классе, в присутствии Эммы Ефимовны попытался сунуть мне конверт с деньгами.

– Я ж понимаю... что ты вроде как бесплатно, но сейчас никто ничего, только за деньги.... Да я не верил, что Серёге моему хоть какой-то репетитор поможет... а сейчас вишь... дневник то приличный... с тройками. Я его сейчас и не луплю, почти...

У нас с Эммой Ефимовной одновременно отвалились челюсти. Мы и не подозревали, что Махачёва, который при же-

лании мог свернуть шею любому из наших старшекласников, отец до сих пор лущет дома ремнём.

От денег я отказалась решительно, хотя увидела в приоткрывшемся конверте пачечку купюр. А мне так нужны были сапоги, и тёплая куртка на зиму, вместо пальто, которое нам кто-то как всегда «подал», будто милостыню бедным, и которое было велико мне минимум на три размера. Но проклятая «антикоммерческая жилка» заставляла меня засунуть руки за спину и трясти головой.

– Не портите мне девочку, – укоризненно сказала Эмма Ефимовна, – Она от чистого сердца... Мы, когда были комсомольцами, тоже всегда брали отстающих на буксир.

Отец Махачёва медленно опустил руку с конвертом:

– Ну, ты тогда говори... если что-то тебе надо будет, не стесняйся. Может, погрузить чего, перевезти... у меня ж машина.

– Хорошо, – пообещала я и изобразила улыбку.

Не знаю, что тогда пришло в голову Махачёву, а только петля вокруг меня затянулась ещё туже. Может, он вообразил, что я отказалась от денег, потому что влюбилась в него? Во всяком случае, домой я теперь всегда старалась улизнуть со своей подружкой Надькой Шепелевой, чтобы Махачёв не отправился меня провожать. Он напросился проводить пару раз, и я поняла, что боюсь... Как будто рядом со мной идёт даже не пёс... волк... И что ему придет в голову в ближайшие минуты – непонятно.

Экзамены наш класс сдал благополучно. Никого не заставили пересдавать, никто не остался без аттестата. Эмма Ефимовна ходила счастливая, как будто получила подарок от миллионера. Она даже в мечтах не надеялась, что всё закончится так хорошо.

Остался – выпускной бал.

В нашей семье я была старшей из сестёр, и варианта, чтобы я надела платье, перешедшее ко мне по наследству, просто не существовало. Маме «подали» очередную вещь – тёмно-красное макси, с оборками из какого-то чёрного газа. Но оно было таким нелепым и выглядело такой дешёвкой, что я расплакалась. Мама поплакала со мной вместе, а потом в магазине «Ткани» купила голубой батист. И мамина сослуживица сшила мне из него нарядное платьице. Это была чуть ли не первая обновка, которую до меня никто не носил. А шло мне это платьице – с ума сойти!

Дома меня наряжали, как новогоднюю ёлку. Новые шуршащие с матовым отливом колготки, лёгкое, как лепесток платьице, мамины серебряные серёжки, косметика – чуть ли в первый раз в жизни.... Сестрёнки ходили вокруг меня – то поправляя оборку, то вдыхая запах духов, то заправляя выбившуюся прядь волос под заколку в виде лилии....

И опять же в первый раз – на вечере я не чувствовала себя ущербной, была не хуже других. Слилась с этой стайкой, воздушных, разом повзрослевших, непривычно нарядных и красивых девчонок. Это упоительное чувство, когда

тебе не надо стыдиться своей бедности!

Махачёв на выпускной пришёл тоже. В какой-то несусветной аляповатой футболке, выпущенной поверх брюк. Он не тусовался с мальчишками. Он смотрел на меня. Всё время. Не отрываясь. И мне было очень не по себе от его взгляда.

Мы отсидели торжественную часть. Получили аттестаты. Выслушали песню от Олечки Кругловой, и Степы Савельева «Когда уйдём со школьного двора, под звуки нестареющего вальса...» – куда ж без неё? Взгляд Махачёва жёг мне спину. Родители вытирали слезы.

Потом нас позвали на торжественный ужин. Последний раз мы сидели в школьной столовой. Родителей отпустили домой. А нас ещё ждала дискотека и поход через лес, к Волге – встречать рассвет. Всё, как положено.

Я любовалась нашими девчонками. Особенно хороша была Маринка Ермакова – её платье просто сверкало, расширенное серебряными пайетками. Да и что удивляться – родители Маринки были «элитой». Папа – директор завода, мама – главный бухгалтер.

А меня мучили туфли, страшно неудобные, на высоких каблуках-шпильках. Мама долго сомневалась – покупать ли их: «Ну, куда – один раз оденешь и отправишь в чулан, это же пытка – такие носить!» Но мы с продавщицей убедили её, что хоть одни такие туфельки – нарядные и непрактичные – у девушки в гардеробе должны быть обязательно. Однако

к концу торжественной части я уже была согласна с мамой на двести процентов. Вроде бы и ходила я всего ничего – до сцены за аттестатом – и назад, а ноги отекли и ныли ужасно. Что же делать? Ведь большая часть вечера ещё впереди. Я решила сбегать в класс, там мы хранили «сменку – сменную обувь, и я свою забрать пока не успела. Переобуться в разношенные шлёпки мне сейчас казалось чистым блаженством. И плевать, кто что скажет!

Со слезами на глазах, держась на перила, я спустилась по лестнице – если ногу подвернёшь, то вместо рассвета в лесу будет тебе рассвет в травматологии. Ещё нужно было миновать длинный коридор – отсюда двери вели в учительскую, в кабинет директора, медпункт, потом свернуть в просторный холл с раздевалками и по лестнице подняться на второй этаж, в наш класс. И каждый шаг – такая боль, ой, мамочки!

Но как только я свернула из коридора в тёмный, практически не освещённый холл, меня схватили железные руки. Сердце ухнуло в пятки, и я бы завизжала на всю школу, если бы в следующий миг не узнала Махачёва.

– Что тебе? – спросила я одними губами.

– Даша, – он сжимал мои плечи так, словно хотел раздавить их.

– Больно же, – тихо заныла я.

То, что это был Махачёв, почти не принесло мне облегчения, я же говорила, что в последнее время до дрожи его боялась.

– Даша, – повторил он, и, не ослабляя хватки, начал меня целовать.

Боже мой! Я уж молчу, что до этого в жизни ни с кем не целовалась. Но впервые начать «лизаться» с Махачевым, к которому я никаких чувств, кроме страха не испытывала, оказалось потрясением вдвойне.

Я уверена была, что даже здесь, в школе, он может сделать всё, что угодно. Например, сунуть мне под рёбра «перо» – как говорилось в фильмах о бандитах, которые в то время косяком показывали по телевизору. Я замерла, сжалась, это был самый жуткий момент в моей жизни. Махачёв, не выпуская меня, одной рукой неловко начал гладить меня по голове:

– Дашенька моя, Даша...

И тут у меня подломилась ступня... я дёрнулась и чудом – до сих пор считаю это чудом – мне удалось высвободиться. Два движения на то, чтобы сбросить туфли, отчаянный рывок – и в дверь, на крыльцо... Я не думала тогда, что будет, если Махачёв вновь схватит меня уже не в школе, а во дворе – там-то вообще никого не дозовёшься на помощь. Школа наша стояла на окраине – за ней шли последние девятиэтажки, а дальше городское кладбище и лес.

Но мне страшно повезло: ещё отъезжали машины родителей. Возле длинной белой легковушки я увидела сверкающую в свете фонарей фигурку Маринки Ермаковой. Я полетела туда, сломя голову.

Маринка в последний раз обещала родителям, что придёт не позже пяти утра.

– И не вздумай остаться спать у кого-нибудь из подружек, – наставлял ее полный лысоватый дядечка, её отец, – Мы с матерью и так будем всю ночь дёргаться, всё ли у тебя благополучно? А если ещё искать – у кого ты изволила заночевать...

Маринка прижала ладонь к груди:

– Чесслово, рассвет встретим, и сразу домой.

– И не перебирай сегодня со спиртным, – говорила мама.

– Да там же один лимонад!

– В жизни не поверю, чтобы на выпускной вечер кто-то не пронёс спиртное. Даже у нас так было... Дашенька, чего тебе? – заметила меня Маринкина мама.

Меня с первого класса знали, как очень тихую и застенчивую девочку. Но то, что случилось сейчас, не оставляло места для застенчивости.

– Простите, вы не можете отвезти меня домой? – спросила я, – Это вот рядом, на улице Мира, только через двор проехать. Я боюсь идти в темноте.

– А почему ты уходишь так рано? – поразились родители, – И почему босиком? Где твои туфли?

– Ничего страшного, я просто стёрла до крови ноги (это была правда), и туфли оставила у нас в лаборантской, завтра за ними приду... И ещё... у меня очень разболелась голова.

– Так может тебе анальгину дать? – Маринкина мать по-

тянулась к сумке, – обидно же пропускать... Выпускной бывает раз в жизни, и он у вас только начался.

– Нет-нет, – замотала я головой, – Я сейчас дома выпью свои таблетки, полежу полчаса, голова пройдёт, потом надену другие туфли и вернусь. Ничего ещё не кончится. Там только танцы в разгаре будут.

Папа щёлкнул кнопкой, открывавшей заднюю дверь.

– Ну, садись! Покажешь, куда везти...

Я скользнула в машину, как в безопасное убежище, как в рай... Маринка помахала нам рукой вслед.

Мои родные, конечно, были тоже изумлены, что я возвратилась домой ещё до полуночи. Но я показала им аттестат – самое главное, я его получила. Сказала, что очень устала, экзамены вымотали дальше некуда, сейчас посижу в ванне и лягу спать.

Мама в душе была только рада, что не придётся за меня волноваться, дёргаться всю ночь – когда я вернусь? Всё ли благополучно? Домашние знали, что мальчика у меня нет, поэтому танцы были бы в кругу подруг, и проводить после выпускного меня некому.

Когда я сбросила платье, младшие сестрёнки тут же затеяли драку за право его примерить – они не сомневались, что платье теперь будет общим, как и практически все вещи в нашей семье, исключая, разве что, зубные щётки и трусики.

А я долго-долго сидела в теплой ванне и плакала, что так вышло, не могла никак отойти от пережитого страха. Мне ка-

жется, именно начиная с того вечера – и до сих пор, я всё переживаю очень сильно, мне требуется несколько дней, чтобы отойти от любого пустяка – даже от злобной реплики тролля в интернете.

Потом домашние поили меня чаем, и мне думалось, что сидеть на родной кухне, и пить индийский чай с малиновым клубничным вареньем, гораздо лучше любого праздника с чужими, в общем-то, людьми. А какое счастье было лечь потом в свою кровать и надеяться, что во сне всё это забудется!

Обычно я встаю рано, но в этот раз еле разлепила глаза, когда в девять часов двери открыла мама. Я хорошо помню этот момент – мама окликнула, я проснулась и посмотрела на круглые настенные часы. Девять уже – ничего себе...

– Даш... тут родители Марины Ермаковой звонят. Спрашивали – не осталась ли она у нас после выпускного? Я сказала, что нет. И теперь они просят к трубке тебя – хотят спросить, может быть, ты знаешь, какие у неё были планы? К кому она собиралась пойти?

Маринка никогда не была моей подругой. Она тусовалась с равными себе девчонками – дочками богатых родителей. Поэтому я взяла трубку в полной растерянности. И услышала нетерпеливый голос Маринкиной матери, в котором звенели слёзы. К кому собиралась Маринка – откуда мне знать? Я стала перечислять фамилии наших одноклассников, и слышала в ответ: «Им звонили..Этим звонили... Нет, у них её

не было».

Я же говорю, что обо мне они вспомнили в последнюю очередь. Мама стояла рядом, прижав ладонь ко рту.

– Хорошо, Галина Степановна, если я что-то узнаю, увижу-услышу, я вам сразу позвоню...

Я положила трубку и посмотрела на маму. Она стояла бледная. Родители хорошо знали всех ребят в классе, ведь мы учились вместе с семи лет. И сколько раз зимой первоклассница Маринка подходила после занятий к маме, которая меня встречала – и закидывала голову, показывая, что ей надо помочь застегнуть непослушную верхнюю пуговицу на пальто.

– Как хорошо, что ты вчера пришла рано – выдохнула мама, – Слава Богу!

Весь день мы провели в тревоге. Мама настаивала, чтобы я «пораскинула умом» и вспомнила – может, у Маринки водились ещё какие-нибудь подруги – вне школы? Я честно пыталась «раскинуть», но ничего вспомнить не могла. Мне звонили и другие, теперь уже бывшие одноклассники – сообщить новость, что Маринка пропала, и мы пытались придумать что-то вместе. Но никакой гипотезы выстроить не получалось.

На выпускной вечер действительно пронесли тайком и вино и водку, и последнее, что могли вспомнить наши ребята точно – что Маринка пошла с ними через лес к Волге. А вот видел ли её кто-то на берегу – тут мнения расходились. Вро-

де бы видели... Но быть уверенным никто не мог..

Поискового отряда «Лиза Аллерт» тогда не было, но искать – под давлением родителей – Маринку стали сразу. Милиция отрабатывала контакты, только ничего путного у неё не вышло.

...Маринку нашли на пятый день, неподалеку от городского кладбища, заваленную ветками валежника. Обнаружили её грибники, отправившиеся в лес за сморчками, Меж веток валежника что-то блестело. Они остановились – нагнуться, присмотреться... Серебряные пайетки на платье.

Она была задушена и потом, уже мёртвой, изнасилована. Она всегда была самой маленькой в классе – на физкультуре в шеренге стояла последней. У неё были рыжеватые, пышные коротко постриженные волосы и голубые глаза. Она была на редкость разумной, приветливой, уверенной в себе...

На её похороны мы пришли почти всем классом. Бывшим классом. Только поверить в смерть той, которая вчера ещё сдавала с нами экзамены – было невозможно. Я вспоминала, как была на похоронах своей прабабушки. Ей было почти девяносто. Она лежала в гробу такая сухонькая, цвет кожи восковой, лицо какое-то глубоко мёртвое... Её душа была уже далеко, в нездешних селениях, шагала по иным дорогам, держа в руках восковую свечу, которую ей здесь вставили в руки.

А Маринка лежала совсем живая. Как будто это был спектакль, и она играла кого-то вроде «Панночки» в «Вие». Лёг-

кая косыночка на рыжих волосах. Блестящая, как её выпускное платье. И поэтому не знаю, как для всех, но для меня ужасной была мысль, что Маринку – на первый взгляд просто спящую – вот уже сегодня, совсем скоро – сожгут в печи крематория. Девчонки наши плакали взахлёб, конечно... А мать Маринки, в глубоком трауре, выглядела совсем уже не той молоджавой, красивой женщиной, которая сидела рядом со мной в машине, Она была – чёрная. Я впервые поняла, какое точное это определение «почернела от горя».

Тогда же мы узнали, что преступник уже задержан – и что это Махачёв. Эмма Ефимовна наша ещё трепыхалась, что этого не может быть, что он не мог, что, наверное, на мальчика кто-то пытается свалить свою вину. Но я-то поверила сразу, я-то знала.

Нас всех – и учителей, и бывших одноклассников допрашивали – замечали ли мы что-то, враждовали ли они – Махачёв и Маринка? Может, причиной всего неразделённая любовь? Но Махачёв был настолько колючим, криминальным, замкнутым, что дружить с «первой леди» класса, он, конечно, не мог. Родители Маринки никогда бы этого не допустили. И сама Маринка проходила мимо Махачёва, как мимо пустого места. И чтобы она ему нравилась – этого тоже никто не замечал.

Следствие стало склоняться к мысли «барышня и хулиган» – мол, Махачёва все школьные годы третировали, не допускали в коллектив, унижали (ага, попробовал бы кто-ни-

будь его унижить, мало бы не показалось), и вот он на выпускном не выдержал, выпил и сорвался, и отомстил той, которую считал самой недоступной, «сливками общества».

Позже я поняла, что эта версия оказалась бы хорошей для меня. Но, на беду ребята прямо указали, что Махачёв, если и выделял кого-то из всех остальных одноклассников, то только меня. Со мной он занимался дополнительно, после уроков, со мной снисходил до разговора. А тут ещё всплыло – Маринкины родители не могли этого забыть – как я убежала к ним, в школьный двор в самый разгар вечера, босиком, растрёпанная, и попросила увезти меня скорее.

Мне бы, дуре, молчать, и настаивать на своем. Мол, ничего не знаю, голова разболелась, затошнило. Но неопытная со следствием, с допросами, я решила, что всё выплывет наружу – так или иначе, и тогда будет только хуже, что я скрывала... И я рассказала следователю всё.

Как все эти годы я боялась Махачёва, как старалась реже оставаться с ним наедине, какой пыткой для меня были занятия с ним. И как в полутёмном холле он захватил меня в тиски своих железных рук – чудом вырвалась.

После этого следствие утвердилось в другом мотиве, который грубо можно выразить так – одна не дала, сорвался на другой. И, естественно, для родителей Маринки я стала врагом №2. После Махачёва. Они винили себя за отсутствие интуиции, предвидения – если бы тогда они посадили в машину не только меня, но и дочь, которая стояла рядом – та-

кая веселая, такая живая... не дрогнуло материнское сердце... Но ведь я скрыла правду, не рассказала им, почему убегаю, солгала про головную боль. Должна была умереть я, а не Маринка!

Я боялась встретить Ермаковых в городе, страшилась даже случайно пересечься с ними на улице. Тем более, и городок у нас такой маленький. Я знала, что многие заняли сторону Маринкиных родителей. И в душе я не могла чувствовать себя полностью невиновной, хотя меньше всего хотела, чтобы от рук Махачёва пострадал кто-то ещё. Я солгала... Это очень трудно – жить, зная, что есть люди, которые думают: «Лучше бы ты умерла в муках!» Находились даже те, которые говорили – мол, Дашины бы родители выжили. Случись что с Дашкой – у них ещё три дочки остались бы. А Маринка была единственной – поздний, вымоленный ребёнок. Как теперь оставаться на этом свете её отцу и матери?

Один был мне выход – уезжать скорее из города в областной центр, поступать в институт. И я, уже одной ногой ступившая в неизвестную новую жизнь – возможно, голодную и неустроенную, я жалела своих родителей и сестёр за то, что еще предстоит им услышать. Тоже ведь будут попрекать, косвенно, но будут. Их могла утешать тогда только мысль, что они не потеряли меня.

Отец Махачёва после того, как сыну огласили приговор – десять лет – уехал тоже. Боялся видно, что Маринкины родители кого-то наймут, чтобы расправились с ним. Ведь это

он вырастил такого сына. Надо было не деньги зарабатывать, мотаясь по дальним рейсам, а сидеть дома – воспитывать и приглядывать. Тогда бы, может....

А может – всё случилось бы и тогда.

Если суждено кому родиться волком...

Глава 3

Я выбирала институт по методу отрицания. Иногда ничего другого не остаётся. Точные и естественные науки я усиливала через чувство тошноты. Душу они не кормили, просто съедали время. Оставалась гуманитарка. Но только не в учителя – после Махачёва плечи передёргивались – только не в учителя! Самой большой любовью моей жизни были книги. Институт культуры, библиотечный факультет?

Все вокруг твердили, что пойти туда – это обречь себя на нищету. И ещё убеждали – мир идёт вперёд такими огромными шагами! Семимильными! Скоро книжные томики, а с ними и библиотеки, останутся в прошлом. Где-то там, в вечности. Я же числила книги именно вечными, и если бы не нашлось им места на Земле, я была бы там, где они.

Поступила я слёту. Заняла своё место. И первой привезла свою сумку в общежитие, ещё отходящее от летнего ремонта. Голые коридоры. Разводы побелки на окнах и запах краски. Железные кровати, щелястые табуретки и колченогий стол в комнате. Ни с кем не пришлось спорить за место у окна. И с тех пор, первое, что я видела, просыпаясь за утрам, и садясь в постели – автовокзал, от которого каждый час отходили автобусы домой. В город, в который мне нельзя было вернуться.

Я сэкономила каждый рубль. Родителям помогать мне бы-

ло – не с чего. Девчонки, вернувшись после выходных, везли с собой копчёное сало, банки с маринованными огурцами, жареные котлеты: вдохнёшь запах – и желудок стонет. Всё это честно делилось на троих – нас трое жило в комнате, но я же должна была вносить свою лепту?

Со стипендии мы сбрасывались понемногу на еду, которая у студентов в ходу – на макароны, чай, кофе... Я брала сумку и шла в магазины, не ленилась и поехать далеко, через весь город – на рынок. Чаще других и готовила. Научившись в многодетной семье варить суп буквально из топора, я на нашей полулегальной плитке, которую, уходя на занятия, мы прятали под кроватью, умудрялась сварганить и первое, и второе. Девчонки постепенно перестали шляться по кафе и пельменным – дорого, и у тебя, Даша, вкуснее.

Ребята повадились ходить к нам в комнату под видом «полиции нравов», а на деле – они тоже жили впроголодь. И суп в кастрюле не успевал остыть – разливался по тарелкам. А когда кастрюля пустела, кто мешал пожарить сковородке гренки, заварить чай, и засидеться допоздна за разговорами, за песнями под гитару? До сих пор помню, как Сашка Картошкин – огромный, уже с бородкой, уже почти дядька, перебирает струны, и негромко, точно самому себе, то ли поёт, то ли убеждает:

*Дом – это там, куда готов
Ты возвращаться вновь и вновь,*

Яростным, добрым, нежным, злым,

Еле живым.

Дом – это там, где нас поймут,

Где обязательно нас ждут,

Где позабудешь о плохом —

Это твой дом...

Столько событий сменило друг друга за эти годы: лекции, экзамены, студвёсны, ночные посиделки в комнате, дискотеки в общаговском холле, изредка – кино, долгие прогулки по магазинам... Хотя бы посмотреть на тот платочек, на те духи – если купить их не на что... Но как хотелось домой, как хотелось... Так и осталась со мной на всю эта тоска, эта мечта о доме... Может быть, потому что в нынешнем доме меня до сих пор никто не ждёт?

Закончили мы институт в начале тех самых девяностых, о которых сейчас кто-то вспоминает с ужасом, кто-то – с задумчивой улыбкой. Мне кажется, что мама и папа даже не хотели в душе, чтобы я вернулась, понимали: в маленьком городке – память у людей долгая. Да и работать у нас там негде. Библиотеки хоть не были никогда хлебным местом, но все-таки считались местом тёплым: труд чистый и не тяжёлый. Поэтому там свои династии – на место матери, уходящей на пенсию, приходит дочь и стережёт если не кресло, то стул – для внучки.

Впрочем, я бы так и так не вернулась, потому что вышла замуж. Володька – ровесник мне, учился на истфаке уни-

верситета. На старших курсах мы с ним дружили – познакомились во время блуканий по городу. Вернее, каждый сам по себе набродился по улицам достаточно, чтобы замёрзнуть как цуцик, и свернуть в кинотеатр греться. И он, и я были голодными, и встали друг за другом в очередь в буфет. Я купила кофе – огненно горячий кофе со сгущённым молоком, а он чай и бутерброд с копчёным салом. Потом он сходил к буфетчице ещё раз и принёс мне пирожное, трубочку с кремом – роскошь.

Зал был полупустым, и мы сели рядом. Я не помню, как назывался тот фильм, что-то про пирата... или разбойника... про распутную девицу, запавшую на пирата, и про её скромную сестрицу Монику, на которую запал он. Володька видел далёкую землю, корабль и приключения, а я – пирата, вот только слово «секси» мне в голову прийти не могло, потому что не было его тогда в обиходе. Просто чертовски обаятельный пират, а Моника была отчаянной душой – так долго в него не влюблялась.

Володька меня проводил до общаги... А потом – в следующие недели – оказалось, что вдвоём до позднего вечера по городу бродить куда веселее, и не страшно идти в кино даже на последний сеанс, а потом ехать в трамвае с замёрзшими стёклами и пожаловаться, что руки застыли вот так же, как эти стёкла – сейчас пальцы сломаются – и протянуть их, чтобы Володька согрел их между своими ладонями.

Мы оба любили читать, мы ждали от того беспокойного

времени обновления, и любые лишения казались нам тогда ерундой. Всё ещё будет... скоро. Появятся в магазинах любимые книги – сейчас дико звучит, да? А тогда это действительно была – мечта. Иметь свою «Консуэло», своего «Чёрного тюльпана», это почти то же, что привести в дом их героев – певицу-цыганочку и благородного Альберта, и всех разбойников Дюма, и самого Монте-Кристо с его несметными богатствами.

Мы верили, что придёт час, и Франция уже не будет для нас сказкой, и остров Бали, затерянный в южных морях... Всё увидим своими глазами.

Путешествовать.... Да, Володька сейчас и путешествует, вот только где?... Мы прожили с ним двенадцать лет, безумных лет, когда в стране была война без войны: фронт и тыл. Почти ежедневно на улицах находили тела застреленных – бандитов, журналистов, политиков. Мы узнали вкус батончика «Сникерс» и супа из бульонного кубика. Я носила жёлтый плащ, который купила по талону. Полгорода щеголяло в этих жёлтых с коричневыми карманами, завезённых в универмаг «Русь», плащах.

Володька работал в школе. На него там накинудись – мужчина! Молодой! Синеглазый... Какая разница, что женат. Педагогини млели. Дети откровенно «стебались» над историей: эта наука сегодня упивалась тем, что клеймила вчера.

Тихий, вежливый, робкий даже, Володька, в конце концов, слёг с глубокой депрессией, и мне пришлось стать у руля

нашего семейного кораблика и прокладывать курс, то и дело больно задевая килем о дно.

Володька пил антидепрессанты и спал. Он начал говорить, что ему снятся вещие сны. Я поддакивала – отоспишься, успокоишься, и всё будет хорошо. Но один раз он проснулся с открытием: в прошлой жизни он был буддистским монахом. А теперь всё пошло под откос, потому что он предал свой путь.

Значит, буддизм.

Он перестал есть «всё живое» – то есть мясо, рыбу...

– Володька, – говорила я ему, – У меня нет бананов, апельсинов и кокосового молока. Я тебе только лук с постным маслом и чёрный хлеб могу предложить, вот и всё...

Он кивал и ел. И от него пахло луком.

Он стал путешествовать – автостопом на другой конец страны, потому что у какого-то дядьки там прямо в квартире обосновался буддистский монастырь, а сам дядька – очень просвещённый – или просветлённый? – духовный учитель. А то, бывало, наострит Володька лыжи куда-нибудь в Индию или Китай – тоже автостопом, тоже к учителям, хрен знает-куда. Приедет через несколько месяцев, просветлённый дальше некуда, думает о своём. Жуёт оладьи из овсяных хлопьев и мёртво засыпает, только упав на диван, даже не раздевшись.

От нашего корабля остался один якорь – я. И я тянула Володьку на дно. Всё ему сейчас было дном, даже те книги,

которые мы оба любили раньше. Он рвался прочь. И я его отпустила.

Мы разменяли нашу маленькую квартиру на две комнаты в коммуналках, и Володька тут же съехался с родителями. Они готовы были ждать его из Индии, варить сою и надеяться, что сын вернётся живым – и так всю жизнь, сколько им осталось. А я оказалась в этой самой пятиэтажке на окраине, и Лиля вздохнула с облегчением, потому что я не грозилась отравить её кошек, как прежняя соседка.

И за всем этим вдруг – как ожог весть: Махачёв отсидел срок, вернее, его чуть раньше, как говорят – досрочно – освободили. Но он даже до дома не доехал – по дороге убил и изнасиловал молодую девушку, и опять именно в этом порядке: убил-изнасиловал, и опять с особой жестокостью. Тело спрятал в заброшенном гараже, где его в тот же вечер нашли бомжи.

Это был ужас, но это было и облегчение. Потому что на этот раз Махач получил какой-то уже запредельный срок. И значит, не надо его бояться, потому что он в тюрьме. Его не выпустят. И это косвенно меня обеляло перед земляками. Теперь все понимали – жестокость была сутью Махача, он мог накинуться на первую встречную. Он убивал бы всё равно, даже если бы я ему тогда не отказала.

А сейчас он сбежал, вырвал себе свободу. И где он? Он мог быть поблизости, на расстоянии вытянутой руки. Я ledenела, когда думала об этом. Проклятье моё в том, что я

была его первой любовью. Отправной точкой, с которой начался его путь, отмеченный кровавыми следами.

Помнит ли он меня или давно забыл? Но если, не дай Бог, помнит... сможет ли он узнать, где я живу? И что будет, когда мы встретимся?

Есть много фильмов, где женщины, оказавшись в сходном положении, отправлялись учиться боевым искусствам или стрельбе и, встретив, нежеланного гостя, разделявали его почти на части. Но никто и никогда не даст мне в нашей стране в руки боевой пистолет. А если б дал – в момент икс у меня затрясутся руки. И я никого не могу ударить – не то, что человека, даже кошку. Кошку тем более не могу.

Но в глубине души я знала истинную причину – я до сих пор помнила железную силу рук, сжавших меня, и свой парализующий страх. И, годы спустя, страх этот не стал меньше, не отпустил. Он был как клеймо на душе – навсегда. Если мы встретимся, я буду кролик, а он – удав.

Остаётся только дрожать и верить, что Махачёв не вспомнит обо мне. Что он другого ждёт от своей свободы. Не меня.

В душе я в это не верила.

Глава 4

В приоткрытую дверь заглянула Марфа, Лилина дочка:
– Даша! Чмушка к тебе не забежал случайно?

Марфа – отчаянно некрасивая. Такими бывают даже актрисы. Никто не скажет, что у Барбары Стрейзанд или Инны Чуриковой – классические черты лица. Но я поверю, что влюбиться в них можно запросто – магия таланта. А Марфа точно всем своим видом говорит: «Я знаю, что нехороша, и знаю, что не могу вам понравиться, это меня уже не обижает».

Марфе скоро исполнится тридцать, и я таю надежду, что с годами она станет приятнее внешне. Молодость многое меняет в обязанность, а Марфа – безбожная саботажница. В ту пору, когда все девочки расцветают и – прошу прощения за параллель в этом случае – вылизывают себя как кошечки – Марфа с готовностью махнула на себя рукой, отдавая свободные минуты, чтобы помогать тем, кому в этот момент нужна была её помощь. Она всегда готова была возиться с этими бесчисленными котами и кошками, которых тащила в дом её мать – лечить их, кормить, убирать за ними...

Я привыкла видеть Марфу зимой в войлочных сапожках, в бесформенной курточке и в нелепом берете с помпончиком, с тяжелыми сумками в руках – счастье, в магазин завезли дешёвые куриные спинки! Хвостатое стадо будет сыто

три дня!

Работала Марфа в какой-то «статистике», и Бог весть, что она там делала. Но, придя домой, она не минуты не сидела праздну – не помню, чтобы к ней приходили подруги, чтобы она веселилась за столом в компании ровесниц, или препалась по телефону. То полы моет, то допоздна вылизывает кухню, в крайнем случае, забившись в уголок дивана, уткнувшись под тушками разлегшихся мурлыкающих кошек, читает книгу.

Для меня она – та самая библейская Марфа, которой некогда было слушать Иисуса, потому что она спешила его накормить.

– Чмушка... – повторила Марфа, – Не забежал? Я там уже суп по мискам разлила.

– Подожди, – в глазах у меня плыло, то ли от близорукости, то ли от коньяка, – Дай приглядеться. Его же ещё увидеть надо...

Это была правда. Чёрный котенок без единого белого пятнышка удивительным образом сливался с окружающими предметами, даже с тенями, которые отбрасывала мебель. Надо было ещё приглядеться, различить блеск глаз...

– Вот он, – Марфа присела, нырнула рукой под стул, подхватила котёнка, – Видишь, я ему типа ошейничка сделала, всё легче будет заметить.

Шею Чмушки опоясывал ярко-синий резиновый браслетик с надписью «За нами – Россия!» Я даже знала, где Марфе

его дали. На фестивале патриотической песни такие браслетки раздавали зрителям на входе. Марфа любила чувствительные песни, фильмы. Легко могла расплакаться,...

– Большеват он ему, но вроде не падает. Пошли, котан-ботан, жрать будем....

– Стой, – я схватила Марфу за тонкое запястье, – Посиди со мной пять минут. Я сейчас разолью коньяк, что остался. И закусим вон бутербродами с колбасой... докторской. Кошаки почти всё слопали, но нам хватит.

– Нам же на работу, – испугалась Марфа.

– Что тут пить! – я невольно процитировала любимый фильм, подняв бутылку, которая была полна уже лишь наполовину – Ты ещё не знаешь, какая у меня есть ядрёная жвачка есть... мятная!

– Запах просто валит с ног, – сказала Марфа и присела к столу.

Марфа редко кому могла отказать, тем более нам, домашним. И ещё она прекрасно знала, что не разливала бы я сейчас армянский коньяк, не будь на то веской причины.

– Что случилось? – спросила она.

– А, – я попробовала махнуть рукой, но получилось жалкое зрелище.

И тут мне в голову пришла мысль, которая никогда бы не посетила меня, будь я трезвой, – Марфа, а что если я заведу собаку? Вы с мамой не погоните меня отсюда?

– Да нет... ты что..., – растерялась Мафа, – Хоть верблюда

заводи. Ты наших кошек вон уже сколько лет терпишь...

– Нет, Марфа, ты не поняла, – Я большую собаку заведу. Серьёзную, обученную...

– Ну, если обученную, то тем более – она воспитанная будет. Не станет кошек гонять... Я тебе буду помогать. Гулять там с ней, кормить. Но с чего это ты вдруг?

Я молча смотрела на Марфу, и только чуть позже до меня дошло, что я молчу, ничего не говорю. Милая девочка, она не представляла себе, что в случае чего, у меня, кажется, не будет другой надежды, кроме как на большую грозную собаку. Хотя в кино мне всегда бывает жальче зверей, чем людей. Смогу ли я послать пса в бой, в котором он за меня погибнет? Дура, конечно.

– Ладно, Марфа, это ещё не точно. Посмотрим.

– Ты говори, раз начала... Ты все равно какая-то не такая сегодня...

И я опять смотрела и молчала. Надо ли им с Лилей это пока знать? Надо, потому что они обе такие беззащитные... Откроют дверь кому попало. Не надо. Потому что если я расскажу, честным будет только одно – уйти отсюда, чтобы вывести их из-под удара.

Марфа подавились коньяком, закашлялась и схватила чашку с моим холодным кофе – запить. Я сунула ей бутерброд с толстым куском докторской колбасы, а потом жвачку.

Не знаю, как у неё в статистике, но у нас в доме престарелых... Не уволят, даже если придёшь, держась за сте-

ны, а окружающие будут хмелеть от твоей отрыжки. Потому что – кто тебя заменит?

Как я оказалась в коридорах этого скорбного дома с ведром и шваброй наперевес? Поговорка, которая на мой взгляд описывает Россию «От суммы и от тюрьмы...». Работ я в жизни меняла мало. После института пришла в маленькую библиотеку на окраине. В последние годы к нам ходили пенсионеры – седые леди и джентльмены, которые спрашивали любовные романы, мемуары времён Великой Отечественной, брали подшивки «Роман-газеты» (ностальжи по молодости) и даже криминальное чтиво, открывая, что вокруг, оказывается, есть бандиты, и их, мать моя. много.

И ещё школьники ходили, которым на урок литературы было велено принести ту или иную книгу с собой.

А потом прозвучало волшебное слово «оптимизация», и нас закрыли. Моя уже бывшая коллега была пенсионеркой. Ну, хоть с голоду не помрет. А я?

И тут подвернулось это место. В городе открыли частный дом престарелых, и меня позвали туда, Сначала тоже библиотекарем. Я всегда считала, что дом престарелых – это что-то ужасное, типа затрапезной больницы, куда сдают одиноких стариков, или тех бабушек и дедушек, которые своим близким не нужны. Но если целому району не нужна библиотека, то зачем она отдельно взятому дому престарелых?

Но «Серебряный возраст» был совсем другой. Старинное двухэтажное здание. Нечто среднее между пансионатом, ле-

чебницей и детским садом для впавших в детство. Сад тут, кстати, тоже был. Когда я толкнула калитку в первый раз, я их увидела: резные деревянные фигуры, стоявшие в траве. Вот медведь с бочонком мёда в лапах, вот журавли....

Простите за сравнение, но я ещё помню общественные туалеты советской поры. Дырки в полу, вонь, ободранная краска на стенах.... А потом началась перестройка, и стали появляться платные туалеты. Мы глазам своим не верили! Чистота, пахнет фиалками, салфетки, бумага, сушилка для рук, зеркала...

И в «Серебряном возрасте» тут я ходила с открытым ртом. Пандусы и ковровые дорожки, в которых тонет нога. Картины на стенах! Гостиная, где и пианино, и музыкальный центр, и круглый этот шар с блёстками, который может устроить «снегопад». А столовая больше похожая на кафе – горкой в глиняных мисках пузатые румяные пирожки с картошкой... А борщ как пахнет...

И библиотека тут тоже была, можете не сомневаться. В просторной угловой комнате. Стеллажи с книгами, зимний сад – можно читать, сидя под цветущим гибискусом или под пальмой. Мягкие диванчики. Светло, солнца сколько! Томики в ярких обложках – от Агаты Кристи до Дарьи Донцовой, от Лидии Чарской до Юлии Шиловой...

И в зарплате я тоже выиграла несколько тысяч, если сравнить с прежним местом.

Казалось бы – лафа... Можно каждой старушке и старич-

ку, что ко мне заглядывали, подобрать книжку не торопясь, что-то посоветовать. Я даже читала бабушкам вслух – тем, которые плохо видели.

Но... Везде есть вот это но... «Серебряный возраст» – довольно дорогое удовольствие. А старики оставались стариками, какой дом престарелых ни будь. И санитарки не выдерживали. Столько обкаканных поп вытереть! Столько памперсов сменить! Доходило уж до того, что в храмах вешали объявления – требуется и так далее. И все равно санитарок вечно не хватало.

Конечно, нашлись бы какие-нибудь пьющие тетки. Но родственники, платившие деньги, не потерпели бы, чтобы их близких обмывала какая-нибудь матерящаяся Дуська. Все должно быть вежливо, с улыбкой, интеллигентно.

Инесса свет Васильевна, директор наша, вызвала меня на разговор. Вертела в руках карандаш, смотрела на него пристально. Библиотека – это не так важно, она может работать пару часов пару раз в неделю, чтобы старики могли переменить книжки. А все остальное время... Кормить с ложки, перестилать кровати, подавать и уносить судна, обрабатывать пролежни, стричь ногти, и менять памперсы, да...

– Все мы такие будем, старость никого не минует. И дай Бог, чтобы нас..., – Инесса перестала терзать карандаш, прижала руки к груди.

И понеслась душа в рай. Так что теперь я на словах библиотечкарь в элитном доме престарелых, по факту – санитар-

ка там же. Я всё понимаю относительно важности, нужности и даже благородства, а также относительно старости, которая ждёт всех нас. Но разные нюансы, о которых далее... Поэтому и необходима мне с утра рюмка коньяка, поднятая рука – отмашка, и извечно русское: «хуйсним!»

А сегодня необходимы вдвойне.

Глава 5

Впереди был бесконечный день – работа и мысли. Ну и что, что пьяная... Грубить кому-либо я не смогла бы даже в состоянии полуотключки, швабру с ведром в руках удерживаю, равно как и с полным судном иду по коридору ровно, всем кому положено – улыбаюсь, а большего и не требуется... Ну, глубокий вздох – поехали!

Говорила ли я уже, что в наш дом престарелых – двухэтажный? На первом этаже живут самые шустрые старички. Они ходят или сами, или с палочкой, пусть даже с ходунками, но ходят. Это радость для них и облегчение для нас. Не надо ворочать, поднимать... Моей спине уже будто сто лет. К концу дня я неизменно держусь рукой за поясницу.

Самое тяжёлое, что ждёт нас с таким старичком – это его вредная натура, если она вредная. Когда я убираюсь у Галины Сергеевны, я не могу улыбаться. И спокойное-то выражение сохраняю на лице великими стараниями. У неё каждый раз спектакль. Новый. То она именно сейчас хочет спать.

– Выключи пылесос! Не греми ведром! – жалобно кричит она.

Я беззвучно переставляю флаконы на её тумбочке, вытирая пыль. И чувствую себя почти садисткой.

Сегодня Галина задыхается без свежего воздуха – в комнате невыносимо душно, ей от этого ночью было плохо

с сердцем. Нужно держать форточку открытой на ширину пальца – не больше.

На другой день:

– Даша, как вы не чувствуете, ветер в нашу сторону.... Сквозит... Я чувствую, что у меня уже обложило горло – закройте, закройте эту дрянную форточку и позовите Арсения Викторовича.

Ей нужен наш врач. От него она заряжается уверенностью, что все её хвори – ерунда, что она ещё поживёт. Хорошее настроение бывает у неё, только когда он её «посмотрит». Мне кажется, что она выпивает его как вампир.

Арсений убеждает её, взяв за руку. Я несколько раз это слышала.

– Чем больше вы будете говорить о болезнях, тем хуже станете себя чувствовать. Погрузитесь во все эти чёрные мысли, начнется депрессия. А человек в депрессии может и от насморка умереть. Сейчас против ваших болезней двое – вы и я, но если вы станете на их сторону, и заставите меня одного с ними бороться, тут уж... – и он разводит руками.

Галина Сергеевна часто кивает, подобострастно заглядывает врачу в глаза.

– А для укрепления организма – ежедневно, назначаю вам пить по рюмочке кагора и закусывать бутербродом с красной икрой, – Арсений Викторович знает, что доходы у Галины такие, что она может хоть райские яблоки лопать, а иначе

он бы молчал про икру, – Значит, пусть родные принесут вам кагор. По рюмочке.

И, уходя, словно самому себе:

– Можно и по стаканчику.

Это меня вторая санитарка, Ольга, навела на мысль. У неё опыт. Она и в казенных больницах работала, и на дому сиделкой, и она же мне сказала:

– Конечно, у нас тут уси-пуси-сю, всё чисто, красиво как в санатории. Но с другой стороны – эти же старики нас кормят, мы у них типа – в услуженье. Так что как бы они себя погадски не вели, мы должны вежливо, с улыбочкой... Не дай Бог голос повесить, или высказать той же Галке в глаза, кто она есть. В обычной больнице – там оно проще. Там и наорать можно, – подумала и добавила, – если за дело конечно.

А вот Марья Михайловна, баба Маша – к ней зайдёшь, и легче на душе. Не судьба бы ей здесь быть – обычной деревенской бабушке, но сын её «выбился в люди». Теперь у него своя большая фирма – баба Маша, рассказывая о сыне, всегда говорит «большой», «большая» – сын большой начальник, и дом у него большой. И машина большая... и дача, та уж просто огромная, чисто сельский дом культуры. Но мечется сын – и мать оставлять в деревне – как? Ведь там зимой ни скорую вызвать, ничего – если вдруг заплохело... Всё замечает. Только и поймёт сын, что мать померла, если она ему на телефон не ответит. И чтоб хоронить – не проедешь. Надо машину нанимать – снег чистить.

Так бабе Маше не хотелось в городской дом! И невестке не хотелось старуху брать – и самой бабе Маше, ну поперёк горла! Нет у них с невесткой любви, хотя никогда ей баба Маша слова поперёк не сказала – не может такого припомнить.

Попробовали съехаться. Как же! Столько правил в невесткином доме – не упомянуть все. Чтоб под горячую руку не попасть, чтобы не ругали её, старуху, только и оставалось, что сидеть в своей комнате. А в туалет выйти? А помыться? Везде скорее, скорее, чтоб не мешать, ванну не занимать, а невестка потом говорит громко – да напротив бабы Машиной двери – что и пол за собой бабка не вытерла, и мыло взяла, которое недозволено... Это личное, невесткино, откуда-то привезённое, да с травой какой-то, да с маслом, как будто мыло может быть с маслом и травой.

И сын тогда сказал:

– Поедем, мам, там тебе хорошо будет – и накормят, и врач рядом, и бабушки-дедушки, есть с кем поговорить. И я приезжать часто буду.

Он и вправду приезжал, привозил бабе Маше то, что она именовала «гостинцами». Все подряд так именовала – и красивый французский халат, атласный с переливами (баба Маша его тут же убрала в шкаф в свой «гробовой» узелок, повторяла, что в гробу будет лежать красивая как невеста шамаханская). И заморские фрукты киви, которые баба Маша прежде никогда не пробовала, и теперь пробовать-то боя-

лась – ишь зеленые, может, неспелые? И огромную коробку конфет...

Бабе Маше хотелось чего попроще. Я потом часто наблюдала это – старые люди возвращаются к своим детским мечтам, и хотят, чтобы они сбылись – хоть теперь! И я сама слышала, как она просила сына:

– Олежка, ты мне дорогого-то не покупай. Привези мне... неловко говорить даже... Баночку зелёного горошка и баночку сгущённого молока. Самые дешёвые. Я ещё девочкой мечтала, что когда-нибудь открою баночку, и одна всё съем, большой ложкой... Семья-то у нас всегда была огромная... С братьями-сестрами поделишься, и что там тебе достанется. Две горошины, да капля той сгущёнки.

Баба Маша жила без соседки, сын оплатил ей отдельную комнату. И она превратила её в сказочную какую-то избушку. В углу – киот с иконами, и маленькая лампадка, красное стекло. Когда она горела, она всегда напоминала мне тот самый аленький цветочек.

Тётя Маша боялась пожара – да у них в деревне все страшно боялись пожара, дома-то деревянные – и лампадку она зажигала только на Пасху или на Рождество, на часок, пока пела по молитвослову молитвы. Был у неё и телевизор свой – не надо ходить в общую гостиную. Но телевизор баба Маша не любила – всё сердилась, что передают страшное. Вся изведёшься, пока слушаешь – кого убили, кого взорвали... А радио гораздо лучше. Она ставила свою любимую «Калину

красную» – там одну за другой передавали песни. Баба Маша доставала пластмассовую шкатулку, сделанную ещё в годах семидесятых – когда-то белую, сейчас желтоватую. Надевала большие очки с толстыми стеклами и углублялась в царство ниток, спиц, иголок. Сколько вышитого и связанного было в её комнатке – не счесть! Цвело на постели покрывало, расшитое васильками и маками. Поставленные одна на другую подушки – как невеста фатой – покрыты белоснежной кружевной накидушкой. Вышитые и обвязанные крючком шторы, полотенца, скатерть, салфетки... Нас баба Маша тоже не забывала – у меня была голубая шаль «на память», связанная её руками, у Ольги, у Инессы Васильевны – у всех, включая посудомойку Ларису, какая-нибудь памятка от бабы Маши имелаась. А для Арсения Викторовича она связала синий свитер с белоснежными оленями, и убеждала его, что в таком можно хоть на снегу спать – не замерзнешь.

Если у нас случалась какая-нибудь комиссия, Инесса Васильевна обязательно старалась завести гостей в комнату бабы Маши:

– А тут у нас настоящий музей русской культуры, – говорила она.

Гости умилялись.

И ещё на первом этаже жили дедушки – Семён Григорьевич и Владимир Иванович. Первый, как и баба Маша, из села. Фронтовик, между прочим, войну прошёл пулемётчиком. Было ему уже за девяносто, похоронил и жену, и доч-

ку... Но ласка эта нерастроченная в нём осталась. Обнимет кого из нас:

– Деточки мои! Любоньки....

Никогда ни на что не жаловался, всем был доволен. Больше всего огорчало его то, что он стремительно терял зрение, почти не мог уже читать. Зато он всегда приходил, какие бы вечера у нас не устраивались в гостиной. Хоть дети из детсадика придут перед стариками выступить со стихами и танцами, хоть местный поэт заглянет – стихи почитать, хоть кто-то из здесь живущих затеет пересказывать какую-то книгу – Семен Григорьевич в первых рядах слушателей будет.

Его сосед Владимир Иванович, хоть и напоминал его внешне – тоже легкий, худенький, тоже видел все хуже, но от Семена Григорьевича отличался очень. Бывший москвич, выучившийся на инженера, основное свое образование он все-таки получил в лагерях в годы репрессий. Он мог очень интересно и часами рассказывать о тех, с кем сидел в тюрьмах, встречался на пересылках, бок о бок спал на лагерных нарах, но та же лютая жизнь приучила его никому не доверять, и семьи у него не сложилось. И еще – ему очень хотелось задержаться на этом свете, пожить еще – и он все время боялся, что вот-вот умрет. Любую боль в сердце он воспринимал как предвестник инфаркта, в голове – как признак инсульта. То ему казалось, что сердце останавливается, то руки холодеют... По несколько раз в день он становился на весы – не худеет ли? Не вгрызлась ли в него тайно злая

опухоль?

Арсений Викторович, бывало, заходил к Владимиру Ивановичу по несколько раз в день – просто, чтобы успокоить. Хуже, если приступ паники накрывал нашего старичка ночью. Скорая к нам ездила неохотно, бывало, что задерживалась на час-два. И то сказать, вызывали мы её часто – ведь второй этаж был заполнен нашими лежачими.

Их у нас было больше. У многих родственники просто измучились, готовы были платить любые деньги, только чтобы жить как раньше – не вскакивать к больному по ночам, не ворочать его. Это ведь целая премудрость, ей надо учиться. И эти знания кажутся мне более насущными, чем алгебра в школе. Не всем пригодится та алгебра. А лежачие старики достаются многим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.